

ПРАВДА, 1989, 3 февр., с. 4

ПРАВДИНСКИЕ ПЯТНИЦЫ

Когда в 1983 году на сцене Таллинского академического театра драмы имени В. Кингисепы появился спектакль Микки Микивера «Цвета облаков», он прозвучал для Эстонии колоколом памяти. Впервые со сцены без утайки говорилось о том, о чем принято было молчать, а если уж упоминалось, то в категориях официально принятых. О том, что в конце войны из Эстонии на Запад уходили не только те, кто боялся расправы за прошлые грехи и преступления, помнил репрессии 1941 года, но и те, кто просто страшился новой «красной» власти, а то и за компанию.

Словно гнездо на ветру, стоит на побережье хутор Отца и Матери. Через этот дом проходят «на ту сторону» — знакомые, незнакомые, уходит сын (был мобилизован в немецкую армию, дезертировал, но будет ли новая власть разбираться в сложностях биографии?), дочери... И только младшая, Эл, остается на хуторе с родителями. Остается делить с родниной радость и горе и общую судьбу.

«Цвета облаков» видели зрители многих городов страны — от Прибалтики до Дальнего Востока. И не было места, где он не был бы понят или принят. Так же, как и другой спектакль по пьесе того же драматурга Яана Круусвалла «Тихая волость» и третий — «Ссылка» (по пьесе Р. Салури), логично завершивший линию трилогии.

Пустующая земля, от которой силой оторвали работников, — символ трагедии. Плуг на каменном поле вынесен в «Тихой волости» на авансцену — когда же соединятся плуг, жаждущий хозяйской руки, и руки, жаждущие плуга? Естественная жизнь крестьянина прервана — войной, сталинской коллективизацией, ссылкой. Вместо простых, каждому ясных связей «крестьянин — земля» возникают связи надуманные, бессмысленные, противоестественные, подчиненные не здравому смыслу, а приказам и кампаниям. Как ни далек Круусвалл от Андрея Платонова, рисуемая им дисгармония «накладывается» на универсальную платоновскую формулу бессмыслицы: «Счастье произойдет от материализма, товарищ Воцев, а не от смысла».

Земля, дом, работа — основа существования эстонского крестьянина, его мировоззрения, его космоса. Это корни, питающие нравственность народа, а значит, и личность. Можно перерезать корни и разрушить нравственность, но нельзя при этом рассчитывать на хороший результат.

Процесс разрушения саморазрушителен — таков урок истории. И в сегодняшних процессах, происходящих в республике, ясно прослеживаются истоки, скрытые в тех страницах прошлого, о которых говорит трилогия.

За спектакль «Цвета облаков» народный артист Эстонской ССР Микки Микивер удостоен Государственной премии СССР. Мы беседуем с ним.

Наверное, для того чтобы поставить пять лет назад такой спектакль, нужна была плюс ко всему и смелость?

— Я всегда старался высказать то, что считал нужным, и никогда не думал о последствиях. И не считаю это смелостью, говорить правду — естественно. Мне очень нравится то, что происходит сейчас в стране и в республике, — восстанавливается правда и искореняется ложь. Это не так просто, человек по природе ленив, и если есть возможность чего-то не делать, то он скорее не сделает, чем сделает. Ему удобнее и приятнее не думать и не быть свободным — чтобы не решать самому: и безопаснее, и легче, и можешь стоять в стороне, оставаясь честным в своих глазах. Не думаю, чтобы революционное, прогрессивное начало сидело в каждом человеке, чтобы всем без исключения хотелось перестраиваться. Особенно если вспомнить, что долгие годы мы громко кричали, что выросло совсем новое поколение, совсем новый советский человек, которому чуждо все старое. Так и есть. Отчасти действительно вырос. Только это явление не носит положительного знака — личной ответственности никакой, творческое начало, инициатива, мысль — все заглушено. Получили нечто удобное, ленивое, полусонное. Вот «оно» и сопротивляется. Бойтся правды. Боязнь правды — очень мощная пружина противодействия. Правды боятся и те, на чьей стороне недавние недорядки, не сталинские даже времени, много ближе. Правде бешено сопротивляются — на практике мало что изменилось. Во всем словесно пока.

И если говорить о самой вашей большой тревоге сегодня, то она — именно в отсутствии правды?

— Так и есть. Хотя что значит — тревога? Я в общем-то спокоен, в том плане, что не бегу и не нервничаю из-за того, что происходит, или могло бы произойти, если бы не было обратного хода, желания затормозить и нежелания воспринимать перемены.

Вот проблема: как можно сегодня говорить о праве большинства? Детям перестройки всего-то три с половиной года. И если сегодня объявить всенародный референдум — сколько бы высказалось за радикальные перемены? И тогда — что? А если большинство окажется против перемен — повиноваться? Утешиться, что большинство всегда право, и ничего не предпринимать? Нет! В новых, неожиданных вещах большинство не всегда может быть правым. Есть передовые люди, которые все понимают, но нынешнее поколение мало в чем переменеется, не надо темить себя иллюзиями. Люди будут за перемены только тогда, когда на практике почувствуют их выгоду!

Как выигрывает социализм, все наши идеалы и принципы, если перестройка свершится! Не знаю, почему капиталисты готовы с нами сотрудничать, — если нам удастся это сделать, они же проиграют. Впрочем, может, они не против?

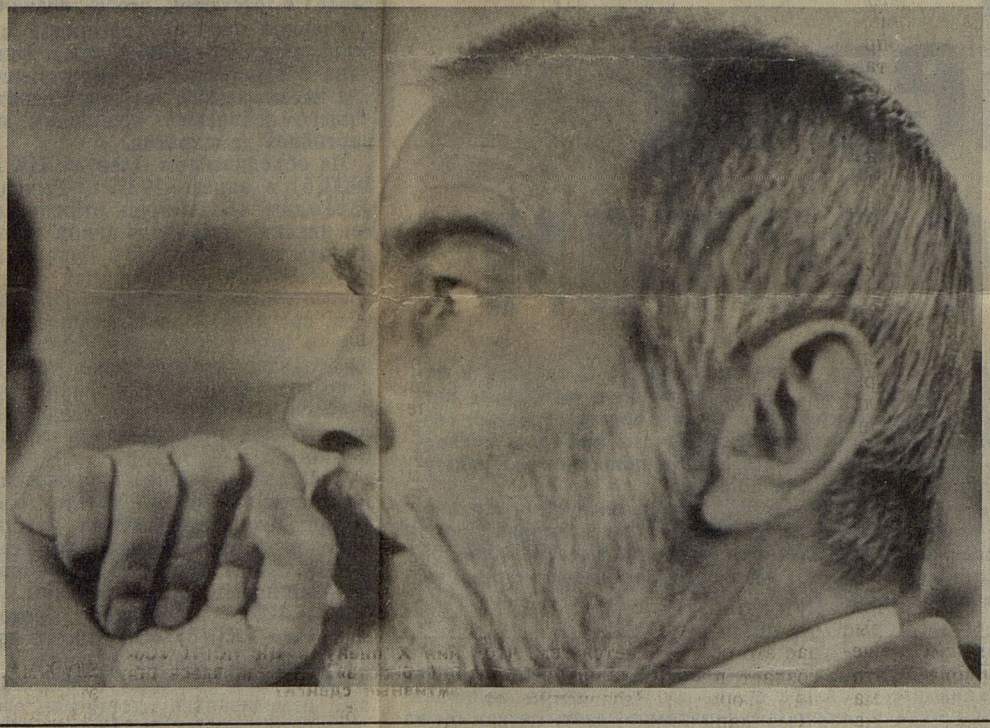
— Ваша речь на объединенном пленуме творческих союзов произвела большое впечатление, хотя сам пленум, на котором в первый раз за всю историю республики были открыто обсуждены большие проблемы сегодняшнего дня, впечатлял невероятно. Потом повсюду цитировали вас — слова, что вы хотели бы быть членом революционной коммунистической партии — такой, в кануно вступал Хендрик Аллик,

выдающийся партийный и государственный деятель Эстонии.

— Люблю и уважаю таких людей, для которых слово честь коммуниста, офицера, мужчины — многое значит. Декабристов. Федора Раскольникова — он поступал так, как считал внутренне необходимым, несмотря ни на что. Есть такие люди и сегодня, но их немного. Я вступил в партию в 1963 году, когда казалось, что началась дорога к верной жизни. Я вступил в партию, чтобы иметь трибуну для защиты своих идеалов — тех, во имя которых партия создавалась. И меня очень скоро стало удивлять, что немало руководителей партийных комитетов как будто совсем

НАШ СОБЕСЕДНИК — народный артист Эстонской ССР Микки МИКИВЕР

Жажда работы

не помнят о тех принципах, ради которых становились коммунистами. Потом я стал думать, что, наверное, у них этих принципов и идеалов не было, а был сухой расчет: не мог ведь человек так переменитьсь, чтобы бороться с людьми, стараясь имиться жить так, как диктуют идеалы и принципы. Значит, такие руководители утратили главное — цель, ради которой создавалась партия, сами принципы справедливости, правды, гуманизма. Поэтому я и сказал на пленуме, что хочу быть членом такой революционной Компартии Эстонии, в какой начинал Хендрик Аллик.

— То, что происходит сегодня в Эстонии, интересен всех. Так что же, на ваш взгляд, происходит?

— Это может показаться парадоксальным, но никогда еще идеи социализма не были в Эстонии так привлекательны, как сегодня. И если последует еще одно разочарование — оно окажется для народа губительным. Что у нас в прошлом? Деформированные идеалы социализма. У многих за плечами, если посмотреть правде в глаза, несостоявшиеся жизни. Мы вступили в состав Союза ССР в 40-м году, и по республике сразу прошла первая волна ссылок в Сибирь. Народная память четко хранит эту первую волну страха перед новой властью. Об этом нельзя забывать.

И хотя все время со всех трибун нам твердили о благе народа, народ знал, что громкие слова блага не заменят. Но сегодня — сегодня другое. Именно коммунисты сказали правду о дне прошлом и дне сегодняшнем. Импульс перестройки шел из Москвы, мы еще спали, когда такие люди, как Шатров, Ульянов и другие (беру круг творческих людей), уже начали работу.

После объединенного пленума творческих союзов Эстонии, после XIX Всесоюзной парт-

конференции, после решений XI и XIII пленумов ЦК Компартии Эстонии, где решительно сказано, что республика вправду и будет решать сама свои проблемы, партии верят как никогда.

Народ хочет действительно стать хозяином своей судьбы и своей родины. Через столько лет вправляется вывих, причиненный сталинизмом, — конечно, это больно и еще будет больно. Везде, не только у нас.

— Но следствие этой боли — обострение межнациональных отношений, которое вселяет тревогу. Разве беспричинно?

— Словами этого не остановить. Лечить нужно причину, а не следствие. Наивно думать, что, не выяснив причин, не проанализировав их, какое-то явление можно просто взять и «закрыть» — особенно если оно выглядит некрасиво, грязно, даже трагично. Процессы заканчиваются, когда они исчерпываются. Конечно, их можно прервать насильно, но тогда получается нечто иное, они уходят вглубь и все равно прорвутся.

Причины обострения межнациональных отношений известны. Застой в экономике, нехватка всего на свете — а в таких случаях всегда ищут виноватых, «чужих», из-за которых якобы все и происходит. Но это, на мой взгляд, не самое главное — к обострению ведет ограниченность. Не национальная ограниченность, а человеческая, от национальности не зависящая. Мне больно, когда встречаюсь с некорректностью. Если два че-

ми существует естественная разница, и воспринимают специфику как личную для себя обиду. Если мы сейчас трезво переоцениваем многое из того, что вчера казалось бесспорным, не следует ли переоценить «чувство хозяина» в сторону уважения к чужому — тогда и свое будущее уважать больше.

Я не думаю, что в Эстонии конфронтация идет по линии нехватки продуктов, хотя и такое наблюдается. У моего народа сейчас в основном другие мотивы. Мы больше не хотим жить так, чтобы умным считался не тот, кто умеет и любит работать, а тот, кто умеет много зарабатывать. Мы больше не хотим, чтобы знания ценились меньше, чем пробивная способность. Мы хотим, чтобы человек мог вдоволь и плодотворно работать. Чтобы его инициатива шла на пользу делу, а не от металась в долгие ящики согласований, чтобы человек был свободен в своем выборе.

Если короче, мы хотим жить по идеалам и принципам социализма, но на деле, а не на словах.

— И ради этого собирается в радиостудии каждую пятницу в час дня Совет по культуре, где представители творческих союзов обсуждают важнейшие вопросы жизни республики — от миграции до застройки нового микрорайона?

— В Совете по культуре собрались умные люди, и они обсуждают все вопросы с точки зрения пользы для человека.

Художник отличается от людей других профессий тем, что он незащищен, как ребенок, особенно чувствителен к боли, красоте. Совет по культуре делает благо дело: нельзя найти верное решение, руководствуясь чистым разумом. Художник, как радар, чувствует то, что еще скрыто от других. На слове «совесть» слишком много спекулировали, слишком много неприглядного делалось под прикрытием «взвешенной совести». Поэтому я не скажу, что художник — совесть нации. Скажу, что он — как канарейка в шахте, чувствительная к газу: предупреждает об опасности задолго до того, как она станет явью для всех.

Совет — сила, формирующая общественное мнение. Слово его много значит.

Политику, которую мы ведем, нельзя путать с политикой, которую делают различные общественные движения. Мы просто высказываем свое мнение по тем или иным вопросам — конечно, это тоже политика, от этого не уйти, как и спектакль на актуальную тему — тоже слово в политических спорах.

— В последнее время в республике много говорят о необъективном отражении процессов, происходящих здесь, в центральной прессе...

— Меня не тревожит, но обижает, что центральная печать дает не очень точную информацию о республике. Да, там появляются такие статьи, которые, несмотря на боль и горечь их содержания, можно только приветствовать. Но как обидели эстонцев в одном материале «Правды», где корреспондент написал, что эстонцев нет в Ленинграде — городе — побратиме Тарту. Корреспондент — взрослый человек и должен понимать, что такого в нашей стране просто быть не может, система работает так, что в минуту беды никто в стороне не остается, и это правильно.

Это тем более несправедливо, что в Эстонии беда Армении была воспринята как собственная.

— А ваши творческие планы? Только что закончен фильм по заказу Центрального телевидения «Доктор Штокман»...

— Меня очень волнует, что будет в театре. Нужно уже своей профессией участвовать в движении, именуемом перестройкой. В театре это пока не очень получается.

У меня сейчас нет под рукой пьесы, которую бы я рвался ставить. Говорю не только об абсолютном отсутствии драматургии сегодняшней, я обвинять никого не хочу и не могу, нужно время, чтобы написать что-то серьезное, все слишком близко. Я говорю о всей драматургии мира, — с начала театра до сегодняшнего дня. Можно ставить что и как хочешь, но довольно страшное время, оставшееся позади, убрало какие-то нервы, чувствительность, необходимую художнику, — что-то атрофировалось в нас, не говоря уж о том, что эстетичность вообще всегда была на втором плане.

Режиссер должен быть и философом, и лучше всего, если у него своя философия. А именно об этом мы почти и не говорили. Хотя были люди, успевшие много сделать. Я считаю, что Анатолий Эфрос в советском театре — особое явление, никто так не умел говорить о человеке, о мире, о вечных вещах, как умел он. Он рвался к правде, хотя те спектакли, в которых присутствовало слишком много правды, закрывали.

Сегодня — свободы безмерно больше, но умные театральные люди знают, что они — не готовы, и, как мне кажется, не делают ни шагу, чтобы дойти до существующих границ.

И я стою сейчас перед огромным строем, перед космическим пространством, которое называется ИСКУССТВО. Я кое-что знаю о мире, кое-что помню, кое о чем догадываюсь, кое-что предполагаю. Но — не готов. А на дешевые вещи идти не хочется.

Если посмотреть так, то я согласен с Некрошюсом, который в одном интервью в Финляндии сказал, что когда он смотрит, как народ на площади Гедиминаса митингует и поет, то чувствует, что театр ни к чему, что все силы, вся энергия, весь интерес — там.

Но сейчас как раз, по-моему, нужно — для равновесия, для гармонии — народу, который пришел в движение и смело решает свои сегодняшние проблемы, говорить — с помощью классики, всего того ценного, что накопилось в коллективной памяти человечества, — о человеке, о мире. Не поучать, но говорить.

— Потому что и в сегодняшнем дне присутствует вечность?

— Мы не можем притворяться, что мы — первые жители этого мира...

Беседу вел

Э. КЕКЕЛИДЗЕ

г. Таллин.

Фото В. Кругликова.